

Следующая неделя выдалась куда более мирной, чем ожидал Хань Мин.

Однако, перелистывая в эти дни так называемый «сценарий праздничного сюрприза», он не находил покоя.

Оригинал этого документа он вытребовал у одного из заговорщиков в Восточном королевском дворце. По правде говоря, если бы не желание приближенных устроить сюрприз и его собственная холодность в последнее время, заставившая всех держаться на расстоянии, этот файл оказался бы на его личном терминале задолго до того, как лег на стол Восточного владыки.

Но Хань Мин, раз за разом перечитывая эти строки, не чувствовал радости. Вместо приятного предвкушения его охватило изумление, граничащее с тихим ужасом.

Трансляция на весь Восточный сектор — это еще полбеды.

Десятое число каждого месяца традиционно отводилось под плановые собрания Восточного королевского дворца. Поскольку в эти дни собиралась вся верхушка фракции, кто-то из придворных частенько запускал прямые эфиры: и престиж перед народом показать, и на содержание дворца немного подзаработать в процессе.

Сам Хань Мин всегда держался подальше от объективов, но к подобным трансляциям давно привык. Его смущало совсем другое — сценарий самого банкета.

Хань Мин всматривался в парящую в воздухе голограмму праздничного зала. Он скользнул равнодушным взглядом по длинному столу, уставленному любимыми деликатесами, и устался на его торцевую часть, где возвышались массивные резные кресла.

Обычно там стояло одно-единственное сиденье — трон Восточного владыки, Дун Яо. Но теперь их было два.

Одинаковое дерево, идентичные узоры, два кресла по левую и правую руку.

«Такая планировка... Он что, с ума сошел?»

Хань Мин не помнил, в какой раз за эту неделю ловит себя на этой мысли. Будь воля его взгляда материальной, эти два трона давно бы обуглились и рассыпались пеплом.

«Точно безумец».

В глазах любого правителя трон — это прямое олицетворение власти. Иначе почему испокон веков за него проливали реки крови?

Поставить два одинаковых кресла во главе стола во время трансляции на весь сектор — это не просто жест. Это дерзкое, кричащее заявление на всю Вселенную: его власть разделена пополам.

Да, когда-то Дун Яо учредил для него титул Рыцаря славы и пообещал делить с ним власть поровну. Но то было в самом начале, когда сектор еще содрогался от войн, а Восточный королевский дворец балансировал на грани выживания. Тогда Хань Мин был единственным, на кого король мог опереться, и счел то обещание хитрым политическим маневром.

Кто же знал, что Дун Яо говорил абсолютно серьезно?

Неудивительно, что Ань Ин уверял: после этого банкета ни у кого во Вселенной не останется сомнений в том, кто здесь истинный помощник владыки. Подобных почестей не достаивались даже супруги великих правителей прошлого.

И это только то, что на поверхности. Если даже рассадка гостей выглядит настолько вызывающе, страшно представить, что Дун Яо выкинет на самом банкете.

Если Хань Мин прилюдно отвергнет эту половину власти и попытается уйти в другой сектор, никто попросту не рискнет принять его службу. Другие правители начнут мучиться подозрениями, взвешивая, могут ли они предложить перебежчику нечто большее, чем половину чужого королевства. Даже если его кто-то и приютит, вечное недоверие сведет любые его усилия на нет.

А значит, покинуть Восточный сектор нужно до банкета.

Раньше Хань Мин надеялся ослабить хватку Дун Яо и поднять уровень его доверия, демонстративно отстраняясь от дел. Теперь же ситуация зашла в тупик. Дело было даже не в доверии или подозрительности. Сценарий банкета изменили не слуги — Дун Яо переписал его лично.

Разве правитель, готовый отдать половину своих земель, может дорожить абсолютной властью?

Но если он так легко уступает половину Восточного сектора, почему шкала доверия замерла на отметке в пятьдесят процентов?

— Лин Чжоу, как думаешь, какое чувство способно превратить мысли и действия человека в сплошное противоречие?

Хань Мин не стал дожидаться ответа от стоящего за спиной Лин Чжоу и горько усмехнулся:

— Забудь, глупость спросил. Я тоже, кажется, умом тронулся, раз задаю тебе такие вопросы.

Чего можно добиться, спрашивая о чувствах того, кто их лишен?

Хань Мин так и не повернулся, а потому не заметил, каким взглядом Лин Чжоу провожал его спину.

На самом деле ответ лежал на поверхности, и Хань Мин прекрасно его знал. Что способно заставить того, кому плевать на весь мир, одновременно безгранично доверять и мучиться подозрениями?

Ответов могло быть множество, но разум упрямо подбрасывал лишь один.

«Любовь».

«Только любовь заставляет людей сознательно совершать безумства и загонять себя в тупик».

Пожалуй, Дун Яо не балансировал между доверием и подозрительностью. Он просто не мог заставить себя поверить до конца, но и подозревать отчаянно не хотел.

От этой мысли на душе у Хань Мина стало беспокойно. На мгновение собственная догадка показалась ему еще более абсурдной, чем идея с двумя креслами.

Но стоило привычной картине мира дать трещину, как в памяти ураганом закружились былые сцены.

То, как Дун Яо закрыл его от удара собственным телом; как отстроил заново крышу бокового зала; как сжимал его запястье три недели назад; как засадил задний сад золотистыми львиными зевами... И, наконец, тот безумный, отчаянный смех у окна главного зала.

Конечно, можно было списать все на узы боевого братства — людей, вместе прошедших через ад. До сегодняшнего дня Хань Мин именно так себя и успокаивал. Именно из чувства долга перед товарищем, который не раз спасал ему жизнь, он и решил дожидаться окончания звериного прилива перед уходом.

Но Дун Яо... взгляд, которым тот провожал его у окна, был далек от дружеского.

Да и неделю назад. Разобравшись с делами Ань Ина, Хань Мин демонстративно применил способность Дун Яо — Узурпацию — прямо на крыше главного зала. И хотя Ань Ин по какой-то причине промолчал, Дун Яо находился в кабинете прямо за стеной.

Он не мог не почувствовать отголоски собственной силы. Но не обронил ни слова.

Разве так ведут себя с братьями, друзьями или подчиненными?

Зацепки цеплялись друг за друга, выстраиваясь в единую картину.

Хань Мин прикрыл глаза, силясь унять вихрь мыслей, и перевел взгляд на мониторы — сегодня у Ань Ина закончилось время восстановления способностей. Прямо сейчас они находились на корабле Лин Чжоу.

То ли Ань Ин действительно обладал редким даром, то ли суровые тренировки принесли плоды, но на этот раз ему удалось подчинить своей воле космического зверя. Чтобы присутствие посторонних не мешало ментальной связи, дипломат спустился в трюм в одиночку. Сейчас он стоял перед клеткой с зажатым в руке секундомером, замеряя время действия Очарования.

Хань Мин понаблюдал за ним через камеру, а затем активировал внутреннюю связь.

— Давай заключим сделку.

В конце концов, кто в Восточном королевском дворце умеет наводить суету лучше Ань Ина?

Хань Мин предложил ему простой обмен: Ань Ин находит доверенное лицо, которое вынесет на обсуждение проект восстановления старой структуры управления Восточным королевским дворцом, и сделает все, чтобы этот законопроект прошел голосование.

Взамен Хань Мин гарантирует, что покинет Восточный сектор не позднее десятого октября.

Ань Ин в этот момент раздраженно сверлил глазами запертую тварь. Сначала она казалась ему жуткой, но теперь вызывала лишь отвращение своей уродливостью. Не опасайся он внезапного срыва контроля, не посмотрел бы в ее сторону и секунды.

Голос Хань Мина заставил его вздрогнуть. Дипломат мгновенно раскусил чужой замысел:

— Хочешь использовать это как лакмусовую бумажку, чтобы проверить отношение Дун Яо?

Нынешний порядок в Восточном королевском дворце мало отличался от прежнего. Разве что в период войны некоторым лидерам пришлось взять на себя слишком много обязанностей, из-за чего их влияние раздулось до неприличных масштабов. Но главное отличие крылось в титуле самого Хань Мина.

Рыцарь славы. Звание, которое читалось не иначе как «соправитель».

Хань Мин не сомневался в проницательности Ань Ина. Этот парень всегда отличался умом,

просто чувства слишком часто затмевали ему разум.

— Я переговорю со своими людьми, — спокойно ответил Хань Мин. — Больше половины голосов я обеспечу. От тебя требуется лишь сделать то, что в твоих силах. Но учти, это дело не без риска. Думай сам.

Для Хань Мина эта сделка не стоила ничего — он в любом случае улетал десятого числа. А вот для Ань Ина риск был велик. Даже если он использует Очарование на ком-то другом, чтобы выдвинуть предложение, гнев несогласных все равно может обрушиться на него.

Далеко не все во дворце жаждали расстаться с властью. Особенно те фанатичные сторонники Хань Мина, которые спали и видели, как возводят его на престол. Хань Мин не стал выдвигать предложение сам именно из-за них — он не хотел провоцировать их излишнее рвение.

— Я согласен, — отозвался Ань Ин. — Какая сделка без риска?

Желание поскорее избавиться от соперника перевешивало любые опасения. Особенно после того, как два дня назад его очередная попытка очаровать Дун Яо закончилась тем, что у его горла замерло холодное лезвие.

Тогда Ань Ин окончательно осознал: первый раз тоже был провалом. В глазах короля он был не более чем жалким шутом.

Впрочем, плевать. Дун Яо безжалостен, но Хань Мин еще холоднее. Какой толк в королевском терпении и уступках, если его драгоценный помощник спит и видит, как сбежать?

Хань Мин до сих пор не понимал, как далеко Дун Яо готов зайти ради него, и продолжал хладнокровно прощупывать почву. В этой игре еще неизвестно, кто окажется настоящим дураком.

Ради своей цели Ань Ин выложился на все сто.

Уже на следующий день, второго октября, на еженедельном собрании Восточного королевского дворца проект реформы лежал перед советниками. Более того, голосование верхушки, проходившее по видеосвязи, завершилось почти единогласным одобрением.

Сидящий по левую руку от Дун Яо Хань Мин едва заметно изогнул бровь.

Среди проголосовавших «за» мелькали лица тех самых его безумных фанатов, которые жаждали видеть его на троне. Им он ничего не говорил, но они все равно поддерживали проект. Хань Мин скользнул взглядом по экрану, где в углу сидел Ань Ин с едва заметными тенями усталости под глазами. Похоже, дипломату пришлось знатно попотеть, раздавая приказы под действием своего таланта.

— По результатам подсчетов, предложение поддержали девяносто процентов проголосовавших. Кворум пройден. Владыка, ваше слово... — секретарь быстро вывел итоговую диаграмму на главный экран и выжидающе уставился на Дун Яо, ожидая официального утверждения.

Однако Восточный владыка, небрежно откинувшийся на спинку своего обтянутого черной кожей трона, даже не взглянул на цифры. Он продолжал лениво крутить в пальцах короткий клинок.

Он не смотрел ни на советников, ни на секретаря.

Лишь когда тишина в зале стала осязаемой, он со щелчком вогнал кинжал в ножны, поднял свои глубокие темно-зеленые глаза и уставился прямо на Хань Мина. В его взгляде читалась бесконечная, смертельная усталость.

— Не согласен.

<http://bllate.org/book/18306/1755323>